

1-И 882. 408
П. Н. СТОЛПЯНСКИЙ.

ВРАЧИ СТАРАГО ПЕТЕРБУРГА.

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

105434

Врачи старого Петербурга (1703—1825).

I. Матеріальное положеніе врачей.

Врачъ старого Петербурга въ XVIII вѣкѣ чувствовалъ себя въ матеріальномъ отношеніи очень недурно. Вотъ нѣсколько иллюстрацій матеріальнаго положенія врача.

Въ ночь съ 4 на 5 декабря 1753 г. въ Санктъ-Петербургской адмиралтейской гошпитали случилось несчастіе ¹⁾ — отъ неизвѣстной причины произошелъ пожаръ. Каждый пожаръ, конечно, сопровождается суматохой, во время которой изъ-за желанія спасти свое достояніе забывается самое цѣнное и спасаются такія вещи, которыя могли бы вполне спокойно сгорѣть; много пропадаетъ и вслѣдствіе злого умысла — любители чужой собственности, легкой наживы сбѣгаются на пожаръ, какъ хищные звѣри на падалъ. Въ описываемомъ случаѣ пострадавшимъ оказался „докторъ оной гошпитали Павелъ Иона Юссія де Петтенія“ ²⁾ — при выносѣ изъ квартиры его пожитковъ, пропалъ небольшой ящичекъ и докторъ, какъ иностранецъ, какъ человѣкъ, уже привыкшій къ гласности, поспѣшилъ „пропечатать“ въ издававшихся въ то время „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ извѣщеніе объ этой пропажѣ, причѣмъ подробно описалъ пропавшія вещи. Оказалось, что пропали:

«въ шелковомъ красномъ лоскуткѣ табакерка осміугольная китайской работы изъ краснаго яхонта, убранныя 15 брилліантами, да 4 серебрянныя табакерки и одна золотая, росписная, 5 золотыхъ съ маленькими алмазами колець, да два кольца серебрянныя въ срединѣ съ нѣкоторыми портретами, да одни карманные серебрянныя часы».

Всѣ эти вещи, особенно если принять во вниманіе годъ дѣйствія (1753), безусловно цѣнныя, часы въ то время были большою рѣдкостью, и владѣлецъ ихъ былъ

человѣкъ не только матеріально не нуждающійся, но даже обезпеченный.

Если докторъ Павелъ Иона Юссія де Петтенія былъ любителемъ табакерокъ, то другое медицинское свѣтило, приблизительно того же времени, дивизионный врачъ Пекенъ любилъ лошадей и съ нимъ также приключилось несчастье, ярко свидѣтельствующее о недостаткѣ полицейскаго надзора въ Петербургѣ.

«4 января 1760 г. 3) ввечеру недалеко отъ Синяго мосту пропала пара рыжихъ лошадей съ черными полосами на спинѣ, съ подрѣзанными ушами и хвостами, и съ санями, зеленымъ обитыми и съ медвѣжею полостью дивизионнаго врача Пекена».

Украсть около Синяго моста и въ то время уже сравнительно центральной части Петербурга лошадей, да еще особенныхъ, быть можетъ, единственныхъ въ Петербургѣ — рыжихъ съ черными полосами на спинахъ — являлось большою дерзостью; очевидно, докторъ — любитель лошадей — пріѣхалъ съ визитомъ на маленькихъ санкахъ, оставилъ лошадей безъ призора — ловкій воръ и воспользовался случаемъ. Но имѣніе такихъ лошадей да саней „съ медвѣжею полостью“ опять-таки свидѣлствуетъ о достаткѣ ихъ хозяина.

Большинство не только докторовъ, но и низшихъ представителей медицины обладали въ Петербургѣ недвижимой собственностью; такъ

«штабсъ-фельшеръ г. Флебсъ продавалъ въ 1740 г. свой на петербургскомъ острову на рѣкѣ Карповкѣ въ совершенно жиломъ состояніи находящейся домъ, въ которомъ 6 каморъ съ прочимъ покоемъ, а именно: людскою избой, банею, погребомъ, конюшнею, сараемъ, ледникомъ, да притомъ же изрядной садъ съ деревьями и огородъ съ овощами» 4).

Указаніе, что домъ — „въ совершенно жиломъ состояніи находящійся“ по тому времени было далеко не лишнее, масса домовъ въ Петербургѣ строилась кое-какъ, на-спѣхъ, строилась потому, что правительственная власть понуждала къ застройкѣ, и хорошо и удобно построенный домъ, вполнѣ годный для жилья, стоилъ гораздо дороже. Но у штабсъ-фельдшера былъ не только домъ — но цѣлая усадьба, тутъ и „изрядный садъ“, тутъ и огородъ съ овощами и своя отдѣльная баня — словомъ, г. Флебсъ жилъ какъ заправскій русскій помѣщикъ и рѣшился продать свое имущество только потому, что уѣзжалъ за море, т. е. на свою родину.

«Находящагося въ гвардіи доктора Крузе — читаемъ мы извѣстіе за 1758 годъ — желающіе купить деревянный домъ на Невской перспективѣ, недалеко отъ Литейнаго двора, о цѣнѣ осведомиться въ томъ же домѣ, въ которомъ имѣется 11 покоевъ

съ подмазанными потолками, при ономъ находятся деревянное надворное строеніе, конюшни, каретный сарай, на дворѣ каменной новой флигель, въ коемъ двѣ кухни со сводами, съ дверьми и оконными затворами желѣзными, а задней домъ о трехъ покояхъ съ кухнею» 5).

Это имущество помѣщалось тамъ, гдѣ теперь высятся на Невскомъ проспектѣ домъ кн. Юсупова, бывший домъ Бенардаки. Докторъ Крузе, продавъ свой домъ кн. Трубецкому, не замедлилъ пріобрѣсти другой около нынѣшняго Маріинскаго дворца; кромѣ того, у него было имѣніе въ Петербургской губерніи съ рядомъ заводовъ, мельницей — словомъ, докторъ Крузе умѣлъ извлекать большія деньги изъ своихъ русскійхъ пациентовъ — это качество онъ передалъ по наслѣдству своей дочери, прославившейся исторіей продажи русскому правительству „манускриптовъ славнаго Бургаава“. Манускрипты же достались семьѣ Крузе по наслѣдству, и по указу Павла I были приемлемы „съ благоволеніемъ“ и съ выдачею наслѣдникамъ 63.000 рублей. По разборкѣ этихъ манускриптовъ оказалось, что

«писанныхъ сего славнаго врача (Бургаава) собственною рукою весьма мало обрѣтается и, какъ явствуетъ по врачебной литературѣ, многіе изъ нихъ съ пополненіемъ и исправленіемъ нѣкоторыхъ артикуловъ самимъ Бургаавомъ въ ученый свѣтъ изданы, а нѣкоторые послѣ его смерти другими славными врачами, кои обучались у него врачебной наукѣ съ пополненіемъ и присовокупленіемъ собственныхъ своихъ практическихъ примѣчаній и откровеній также изданы» 6).

Словомъ, 63.000 рублей были отданы за то, что не стоило ничего...

Дома врачей стараго Петербурга не ютились по закоулкамъ, на окраинахъ города, наоборотъ, они помѣщались въ центрѣ, на главныхъ улицахъ, поближе къ царскимъ дворцамъ. Я уже не говорю о домѣ Л. Л. Блументроста на Милліонной между Мошковымъ переулкомъ и Зимней канавкой, сгорѣвшемъ 21 марта 1729 г. 7), Блументростъ былъ слишкомъ выдающимся человѣкомъ и занималъ большіе посты, но и

«лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка штабсъ-лекаръ Аврамъ Энсъ отдавалъ въ 1752 г. въ наемъ свой домъ на Адмиралтейской сторонѣ въ Милліонной улицѣ» 8),

и хирургъ Андрей Верре предлагалъ желающимъ въ 1754 г. взять въ наемъ на Адмиралтейской сторонѣ по берегу Невы свой каменный дворъ „о 2 аппартаментъхъ (этажахъ) съ нижнимъ сухимъ погребомъ, съ конюшнею и ледникомъ“ 9). Хирургъ Верре 10) пріобрѣлъ этотъ домъ, какъ приданое за женою, дочерью гофъ-интенданта двора Елисаветы Петровны И. Шари-

городского. И это послѣднее обстоятельство — выходъ замужъ за врача дочери гофъ-интенданта, т. е. лица, занимавшаго значительный постъ при дворѣ, свидѣтельствуешь о хорошемъ положеніи врачей въ старомъ Петербургѣ.

Таково было положеніе врача въ 40—50 годахъ XVIII вѣка. Оно немногимъ измѣнилось и за весь разсматриваемый нами періодъ времени.

Генрихъ Людвигъ фонъ-Аттенгоферъ — докторъ медицины, въ Россійско-Императорской службѣ надворный совѣтникъ и многихъ ученыхъ обществъ членъ — такъ именовалъ самъ себя авторъ перваго „Медико-топографическаго описанія Санктпетербурга главнаго и столичнаго города Россійской Имперіи“ писалъ въ 1820 г. слѣдующія строки ¹¹⁾:

«Трудно найти другой городъ, въ коемъ бы новоназначающій врачъ *столь мало* (курсивъ вездѣ нашъ) долженъ былъ заботиться о своемъ кускѣ хлѣба, какъ въ С.-Петербурѣ. Выдержавши свое испытаніе, или по пріѣздѣ сюда, можетъ онъ опредѣляться на службу по части гражданской, или военной (такъ какъ рѣдко бываютъ заняты всѣ мѣста), либо приицетъ для себя у какого-нибудь вельможи должность домашняго медика, которая доставитъ ему порядочное жалованье, защититъ уже отъ всякой нужды; либо, если только имѣетъ онъ въ столицѣ хотя нѣсколько человѣкъ знакомыхъ, практика, весьма скоро распространяющаяся, принесетъ ему не менѣе прибыльный доходъ. Изъ 300 медиковъ, находящихся въ С.-Петербурѣ, ни одинъ не живетъ въ бѣдности, а многіе наслаждаются совершеннымъ избыткомъ. Въ прежнія времена медики стяжали себѣ здѣсь *великія богатства*, теперь же, конечно, число медиковъ примѣтно умножилось, но количество щедрыхъ пациентовъ гораздо уменьшилось, а потому и древняя пословица *dat Galenus opes* мало-по-малу теряетъ свою цѣну и довѣріе».

II. Научная подготовка и практика врачей.

Если охарактеризовать матеріальное положеніе врача стараго Петербурга не представляло особаго затрудненія, если матеріаль, найденный нами, слишкомъ ярокъ, самъ говорить за себя, то отвѣтить на вопросы, какова была научная подготовка, насколько врачъ соотвѣтствовалъ своему положенію, гораздо затруднительнѣе, и особенно за первый, болѣе ранній періодъ. Къ концу XVIII и началу XIX вѣка у насъ имѣются очень цѣнные данныя — свидѣтельство того же самаго Аттенгофера, котораго мы только что процитировали.

Гарантіей для обывателя, что врачъ получилъ разрѣшеніе на практику, служилъ „Именной указъ, данный Императрицею Екатериною II 9 іюня 1764 г. Медицинской Коллегіи: о произвожденіи кандидатовъ,

обучавшихся медицинѣ, въ докторы сего факультета по собственной Медицинской Коллегіи экзаменамъ“. Привожу этотъ важный документъ цѣликомъ:

«По установленію новому медицинскаго факультета, какой состоитъ теперь въ Государствѣ Нашемъ подъ правленіемъ Медицинской Нашей Коллегіи, ни малая болѣе нужда не настоитъ, чтобы кандидаты Медицины производимы были чрезъ экзамены въ университетахъ чужестранныхъ въ докторы сего факультета. И сего ради повелѣваемъ Нашей Коллегіи Медицинской по собственнымъ экзаменамъ всѣхъ обучавшихся сей наукѣ производить въ докторы Медицины и давать на то каждому патентъ на пергаментѣ за рукою Президента Коллегіи и съ приложеніемъ Нашей печати» ¹²⁾.

До появленія этого указа каждый, обучавшійся въ Россіи, долженъ былъ ѣздить за границу, получить тамъ отъ какого-либо университета докторскій дипломъ и послѣ экзамена въ Петербургѣ при медицинской коллегіи на право практики — могъ лечить.

Такимъ образомъ съ формальной точки зрѣнія все обстояло благополучно, но на практикѣ, конечно, было далеко не такъ.

Прежде всего, установленныя закономъ требованія нарушала сама же законодательница. Отъ ея имени то и дѣло посылались указы медицинской коллегіи слѣдующаго содержанія:

«Выписанному въ службу нашу и опредѣленному въ Воспитательный Домъ доктору медицины Карлу Мертенсу позволяемъ (хотя онъ въ оной Коллегіи не экзаменованъ) пользоваться тѣми преимуществами, коими прочіе доктора здѣсь пользуются» ¹³⁾.

И такіе указы были далеко не единичными, а такъ какъ выписанные Императрицей доктора, уже въ силу этой самой выписки, какъ бы занимали привилегированное положеніе, то понятно, что они не оставались безъ практики; наоборотъ, лечиться у такого врача желали многіе. Далѣе и экзамены въ медицинской коллегіи были далеко не на высотѣ положенія. Вотъ нѣкоторыя иллюстраціи къ нимъ:

«Николай-Бертольдъ-Францъ Гергольдъ явился къ экзамену въ августѣ 1793 г., но не выдержалъ его. Вторично явился въ маѣ 1794 г. и опять изъ химіи, ботаники и матеріи медики отвѣтствовалъ слабо, изъ теоріи о внутренности хорошо, изъ теоретическаго и практическаго повивальнаго искусства слабо, о горячкахъ и долговременной болѣзни хорошо, исключая нѣкоторыхъ, гдѣ недовольно твердо отвѣчалъ, изъ хирургіи весьма посредственно» ¹⁴⁾.

Переводя и эту послѣднюю аттестацію на современный языкъ, мы видимъ, что и на вторичномъ экзаменѣ Гергольдъ тоже провалился, но его все же опредѣляютъ „для лучшаго натвержденія въ практикѣ“ въ

гошпиталь, а через годъ даютъ патентъ на доктора съ правомъ практики.

Приведу еще одинъ примѣръ о нѣкомъ врачѣ Дюпаркѣ. Этотъ врачъ былъ экзаменованъ 18 августа 1798 г. и „на заданные ему словесные и письменные вопросы отвѣчалъ слабо, а по части хирургической и повивальнаго искусства, поколику сихъ послѣднихъ частей не обучался, и вовсе отказался отвѣтствовать“. Не прошло 1/2 года, какъ та же коллегія 23 марта 1799 г. давала уже слѣдующій отзывъ: „изъ всѣхъ частей, до врачебной науки принадлежащихъ, на словесные вопросы отвѣчалъ хорошо, а на письменные посредственно“¹⁵⁾. Какимъ образомъ Дюпаркъ изучилъ въ 7 мѣсяцевъ хирургию и повивальное искусство, о которыхъ онъ на первомъ экзаменѣ заявилъ, что онъ имъ не обучался является тайной медицинской коллегіи.

Я, конечно, далеку отъ мысли, что экзамены медицинской коллегіи были вообще пустой формальностью; нѣтъ, стоитъ указать на рядъ лицъ, которыя производили эти экзамены, какъ, напр., Максимовичъ-Амбодикъ, Тереховскій, Елизенъ, чтобы не допустить этого утвержденія, но все же надо признать, что эти экзамены были не вполне достаточными. Вліяли тутъ разныя причины и недостатокъ врачей въ Россіи, и необходимость замѣщать вакансіи, не было недостатка и посторонняго вліянія, наконецъ, не забудемъ, что рѣчь идетъ о XVIII вѣкѣ, когда научная медицина только зарождалась, когда существовали совершенно иныя понятія, чѣмъ въ наши дни.

Во всякомъ случаѣ, въ царствованіе Императрицы Екатерины II составъ медицинскаго персонала былъ гораздо выше, образованнѣе, чѣмъ въ періодъ 1706—1730 гг.¹⁶⁾, когда „ученикъ умѣлъ кое-какъ перевязать рану, приложить пластырь или связать переломъ, и его дѣлали „лекарскимъ подмастерьемъ“ и посылали въ армію“.

Недостатокъ врачей породилъ интересную законодательную мѣру—1 февраля 1754 г. вышелъ указъ „о бытіи лекарямъ и аптекарямъ, обучающимся въ Россіи, всегда въ ихъ настоящемъ званіи и о недозволеніи имъ избирать другой родъ службы“¹⁷⁾. Удерживая такимъ образомъ врачей, запрещая имъ постороннія занятія, государство боролось противъ тѣхъ лицъ, которыя, не обладая званіемъ врача, пытались избавлять

своихъ соотечественниковъ отъ разнаго рода недуговъ. Борьба эта была или общаго характера—выпускался соответственный законъ „о запрещеніи неучившимся медицинѣ и не имѣющимъ объ томъ свидѣтельствъ отъ медицинской канцеляріи заниматься леченіемъ больныхъ подъ жестокимъ штрафомъ и наказаніемъ“¹⁸⁾, или частичнаго характера, когда по тому или иному поводу медицинская коллегія обращалась къ обществу съ предупрежденіемъ и предосторожностью. Такъ, въ 1760 г. можно было прочесть слѣдующее извѣщеніе:

«Отъ Медицинской канцеляріи симъ объявляется, что помянутая канцелярія шатающемуся здѣсь въ Санктпетербургѣ башмачнику, который отъ всякихъ болѣзней людей лечитъ, оказывая, якобы ему отъ оной канцеляріи на то позволеніе дано, и лекарство по требованіямъ его изъ аптеки отпускаются, больныхъ лечить не позволяла и его не знаетъ и для того бы некъ остерегался здравіе свое поручать такому человѣку»¹⁹⁾.

Однако, борьба съ подобными шарлатанами была очень затруднительной, такъ какъ эти „башмачники“ и имъ подобные люди находили покровительство со стороны власти имущихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ лейбъ-медикъ и президентъ коллегіи Кондоиди выискивалъ всякіе способы улучшить дѣло подачи медицинской помощи, безпрепятственно печаталось слѣдующее извѣщеніе²⁰⁾:

«Симъ объявляется, что ко двору Ея Императорскаго Величества принята въ службу вдова Анна Тимофеевна дочь Сильвестрова, которая искусна въ пивочномъ, баночномъ и рожечномъ кровометаніи, и ежели кто оную изъ дамскихъ персонъ, обѣтающихся при дворѣ Ея Императорскаго Величества, такожде знатнаго господства и партикулярныхъ людей женскихъ полъ для пользованія себѣ брать пожелаетъ, тѣ сыскать еѣ могутъ близъ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы по прешпективѣ въ домѣ пономаря Алексѣя Гаврилова».

Борьба со вдовой Анной Тимофеевной, конечно, была немислима; ея авторитетъ былъ гораздо выше авторитета самаго образованнаго медика, и она, безъ всякаго сомнѣнія, безапелляціонно ставила больному и десятки пиявицъ, и рожки, и банки, руководясь, быть можетъ, въ лучшемъ случаѣ указаніемъ стараго мѣсяцеслова, что „въ генварѣ кровь пускать жілную и рожечную мокротнымъ 2, 3, 4, 11, 12 чиселъ, а меланхоликамъ 7, 8, 25, 26 и 27 числа“²¹⁾.

Къ первымъ годамъ XIX вѣка положеніе, конечно, много измѣнилось. Его описываетъ слѣдующимъ образомъ современникъ, самъ врачъ²²⁾:

«Здѣшніе медики получили свое образованіе или въ университетѣхъ иностранныхъ, или въ Россійскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Число первыхъ гораздо превосходитъ, нежели послѣд-

нихъ. Нѣкоторые изъ нихъ сохраняютъ непоколебимую вѣрность къ старинной Боергавовой системѣ, коей они, можетъ быть, научились еще въ школѣ; другіе безпрестанно переходятъ отъ системы къ системѣ и пристають къ каждой, вновь являющейся. Иные суть жаркіе защитники теоріи возбужденій, а мало такихъ, кои слѣдуютъ естественной философій, изгоняющей сію теорію. Большая же часть лучшихъ нашихъ врачей изъ всякой теоріи, не приставаая къ ней со слѣпою приверженностью, извлекаютъ токмо полезнѣйшее, т. е. все то, что согласно съ ихъ долговременными опытами или подтверждается практикой. и симъ способомъ отъ времени до времени умножаютъ богатство своихъ познаній. Впрочемъ, къ сожалѣнію, признаться должно, что здѣсь встрѣчаются и такіе медики, кои симъ благороднѣйшимъ искусствомъ дѣйствуютъ безъ всякихъ основаній, забывши и изученное ими въ школѣ; но какъ простымъ ремесломъ и даже, могу сказать, съ оскорбленіемъ совѣсти, а за всѣмъ тѣмъ пользуются великимъ довѣріемъ. Многие думаютъ, что выдержавъ удачно испытаніе и получивъ дозволеніе лечить больныхъ, не нужно болѣе уже углубляться въ чтеніе книгъ или напрягать умственные силы; между тѣмъ какъ просвѣщеннѣйшіе врачи, до позднихъ лѣтъ безпрестанно занимавшіеся своимъ изученіемъ, единогласно утверждаютъ, что и самый продолжительный вѣкъ смертнаго недостаточенъ для того, чтобы сдѣлаться совершеннымъ въ сей наукѣ. Впрочемъ, истинно свѣдѣнныи и опытный врачъ не долго остается здѣсь въ неизвѣстности; его тотчасъ всѣ отыскиваютъ и вводятъ въ безчисленныя занятія. Титулъ доктора, привозимый медиками изъ чужихъ краевъ, хотя и имѣетъ здѣсь свою цѣну и вѣсъ, однако онъ не есть еще необходимая потребность для полученія, подобно другимъ странамъ, права на выгоднѣйшія мѣста и для составленія здѣсь своего счастія. Простой лекарь или хирургъ, отличившійся здѣсь на практикѣ, часто предпочитается здѣсь ученому доктору, и сей на службѣ нерѣдко стоитъ ниже перваго. Сіе не должно казаться удивительнымъ, ибо въ новѣйшія времена нельзя уже совершенно полагаться на иностранныя докторскіе дипломы, и въ столицѣ гораздо скорѣе ввѣряютъ себя медику, показавшему хорошіе опыты своего искусства, нежели многорѣчивому теоретику, коихъ такъ много нынѣ выходитъ изъ университетовъ.

Кромѣ такихъ общихъ разсужденій и характеристикъ Атенгоферъ далъ еще слѣдующія любопытныя фактическія данныя о положеніи врача въ Петербургѣ въ 1810—1820 гг. Атенгоферъ писалъ, что „здѣшнихъ врачей можно подраздѣлить на штабъ-докторовъ, докторовъ медицины и хирургіи, медико-хирурговъ, докторовъ медицины и лекарей“ и кромѣ того указывалъ на одну существенную разницу между докторомъ въ Петербургѣ и заграницей ²³⁾:

«О соединеніи хирургіи съ медициной внутреннихъ болѣзней сдѣлано въ другихъ земляхъ нѣсколько предположеній, писано въ защиту и опроверженіе оныхъ; но весьма мало учинено дѣйствительныхъ распоряжковъ и доказательствъ; ибо всѣ согласны въ томъ, что онѣ суть тѣсно сплетшіеся вѣтви одной и той же науки. Благотворное сіе искусство въ помянутыхъ земляхъ до

того еще унижено, что почитаютъ оное какимъ-то низкимъ ремесломъ. Здѣсь, напротивъ, убѣждаясь одинаковою необходимостью имѣть свѣдующихъ медиковъ и искусныхъ хирурговъ, даа сему дѣлу надлежащее направленіе. Все то, что унижало хирургию до степени простаго ремесла, отдѣлено отъ нея. Хирургу не только присвоены такіе же права и выгоды, но еще въ обдуманномъ имени медико-хирурга соединили оба сіи званія между собою столь тѣсно, что впредь никакой медикъ не смѣетъ отравлять своего искусства, не будучи хирургомъ, такъ равно и наоборотъ».

Вотъ свидѣтельство современника. Безусловно въ немъ сглажены тѣневые стороны, выдвинуты на первый планъ преимущества и положительныя стороны, но, принимая во вниманіе всѣ эти необходимые коэффициенты вѣроятности, мы все-таки имѣемъ драгоцѣнный и любопытный матеріалъ о томъ, что было около ста лѣтъ тому назадъ.

III. Врачи окулисты.

Пользовались большимъ успѣхомъ и имѣли громадную практику въ старомъ Петербургѣ окулисты или, какъ ихъ тогда звали, „очные доктора“. Это обстоятельство до извѣстной степени указываетъ на значительное распространеніе глазныхъ болѣзней, но кромѣ того обрисовываетъ психологію общества того времени. „Ослѣпить“ это—высшее наказаніе Божьяго перста, слѣпой самый несчастный изъ людей, и избавители отъ такого несчастія считались чуть-ли не посланниками Бога.

Первымъ окулистомъ, о которомъ мною найдены свѣдѣнія, былъ „королевскій прусскій совѣтникъ и профессоръ Гильмерсъ“, посѣтившій нашу столицу въ 1751 г. Объ этомъ докторѣ сохранилось слѣдующее придворное извѣстіе:

«Прибывшій сюда за нѣсколько дней королевскій прусскій совѣтникъ докторъ и профессоръ Гильмерсъ нѣкоторымъ людямъ, которые напередъ сего ничего не видѣли, искусствомъ своимъ не токмо возвратилъ совершенно зрѣніе при свидѣтельствѣ многихъ знатныхъ персонъ, но и сего сентября 19 дня въ Сарскомъ селѣ (Царское село по написанію того времени) въ присутствіи Ея Императорскаго Величества излѣчилъ женщину, за что Ея Императорское Величество его жаловать къ рукѣ соизволила» ²⁴⁾.

Честь, которой удостоился профессоръ Гильмерсъ, по тому времени небывалая, мало того, что Императрица жаловала доктора къ рукѣ, она присутствовала при его операциі, наблюдала за послѣднею (очевидно катаракта), словомъ, выказала большой интересъ. Гильмерсъ пробылъ въ Петербургѣ до ноября 1751 г., когда онъ показанъ въ числѣ отъѣзжающихъ. Приведу

текстъ этого объявленія объ отъѣзжающихъ, которое обязанъ былъ печатать въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ всякій покидавшій въ бывшее время нашу столицу²⁵⁾:

«Находящейся здѣсь прусскій надворный совѣтникъ и докторъ Гильмерсъ ѣдетъ отсюда за море, чего ради ежели имѣетъ кто до него или до служителей его какое дѣло, то сыскать его могутъ на Адмиралтейской сторонѣ, въ большой Морской въ домѣ портнаго Кригера».

Успѣхъ доктора Гильмерса вызвалъ подражателей и въ 1752 г. въ Петербургѣ дѣйствовали уже два окулиста. Одинъ изъ нихъ—какой-то польскій шляхтичъ Іоакимъ Узнанскій, быть можетъ сподвижникъ вышеупомянутой „Анны Тимофеевны“, съ тою разницею, что онъ пользовался покровительствомъ не Императрицы и двора, а духовенства, публиковалъ о себѣ въ концѣ 1752 г. слѣдующее извѣстіе²⁶⁾:

«Польскій шляхтичъ Іоакимъ Узнанскій, который уже за годъ передъ симъ оказывалъ пробу своего искусства вмѣстѣ съ бывшимъ тогда здѣсь окулистомъ Гильмерсомъ и не хуже его въ сниманіи бѣльмъ и въ леченіи другихъ очныхъ болѣзней, нынѣ паки сюда пріѣхалъ, чего ради ежели кто отъ него пользоваться желаетъ, тѣ могутъ явиться у него въ домѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода члена Преосвященнаго Епископа Владимірскаго, а понеже онъ скоро ѣдетъ въ Москву, то можно найти его тамъ въ домѣ Его же Преосвященства».

Второй пріѣхавшій въ Петербургъ окулистъ гораздо интереснѣе. Извѣстіе о немъ жители столицы имѣли задолго до его появленія на берегахъ Невы. Въ № 1 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за 1752 г. было помѣщено слѣдующее извѣстіе изъ Стокгольма²⁷⁾:

«На сихъ дняхъ г. Тейлоръ, очной докторъ Ихъ Римско-Императорскихъ Величествъ и разныхъ другихъ государей объявилъ въ здѣшнихъ газетахъ, что онъ 10 декабря ѣдетъ въ Санктпетербургъ, а, между тѣмъ, дѣлаетъ роспись тѣмъ, которыхъ онъ во время своего пребыванія здѣсь вылечилъ, дабы тѣмъ доказать, что изъ всѣхъ его операций ни одной не было, которая бы не имѣла совершеннаго успѣха».

Однако, Тейлоръ задержался въ Стокгольмѣ, а, можетъ быть, и по пути въ Финляндскихъ городахъ, и прибылъ въ Петербургъ только 6 ноября 1752 г. Тотчасъ въ „Вѣдомостяхъ“, а также и по стѣнамъ и заборамъ и на особыхъ мѣстахъ, назначенныхъ для вывѣшанія объявленій—у Зеленаго (нынѣ Полицейскаго) моста, у Гостиного двора на будкѣ, гдѣ теперь Публичная библіотека, у дома гильдейскихъ людей (нынѣ извѣстный Милютинъ рядъ) и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ появилось нижеслѣдующее „Извѣстіе“²⁸⁾:

«Понеже кавалеръ Тейлоръ, учрежденный очной докторъ разныхъ коронованныхъ государей и другихъ княжескихъ особъ

предъ нѣсколькими днями сюда прибылъ и отъ Медицинской канцеляріи получилъ позволеніе не токмо лечить разныя очныя болѣзни, но и о сохраненіи зрѣнія публичныя наставленія давать, того ради симъ объявляется, что желающіе имѣть отъ него помочь и наставленіе могутъ явиться у него въ квартирѣ въ Милліонной, въ домѣ юфтенаго браковщика¹⁾ Купфера». Домъ браковщика Купфера былъ на лѣвомъ углу Мошкова переулка и Милліонной улицы, не переходя послѣднюю со стороны нынѣшняго Конюшеннаго моста.

Докторъ Тейлоръ видимо разыгрывалъ изъ себя большого знатока и обставлялъ свое леченіе особыми пріемами, долженствующими подѣйствовать на пациентовъ. Такъ, онъ заявлялъ²⁹⁾:

«Понеже нѣкоторые персоны были уже у очнаго доктора и кавалера Тейлора требовали у него помочь въ очныхъ ихъ болѣзняхъ, того ради совѣтуется онъ имъ нанять себѣ квартиру, какъ возможно неподалеку отъ того дома, въ которомъ онъ живетъ, дабы тѣмъ лучше могъ быть онъ въ состояніи ихъ пользоваться и большому числу помочь оказать».

Какъ разъ напротивъ квартиры Тейлора, на другомъ углу Мошкова переулка (тоже не переходя Милліонную улицу) помѣщался шиферъ-гаузенъ Иберкампа—т. е. трактиръ съ гостиницей, болѣе чѣмъ вѣроятно, эта гостиница была вся занята пациентами Тейлора и трактирщикъ Иберкампа благодарилъ судьбу за такого сосѣда.

Предъявляя къ своимъ пациентамъ требованія „поселиться поближе къ его квартирѣ“, Тейлоръ не дѣлалъ изъ своихъ операций тайны, наоборотъ, онъ предлагалъ „ученныхъ и другихъ охотниковъ приглашаетъ онъ до полудня для осмотрѣнія его операций“, кромѣ того, Тейлоръ дѣйствовалъ и на сердца людей того времени:

«Сверхъ того бѣдные пользоваться будутъ отъ него и получать все, что къ излеченію ихъ потребно, безденежно».

Наконецъ, «въ будущую среду 2 декабря въ началѣ 7 часа по полудни въ большой залѣ Головинскаго дому, что въ набережной улицѣ близъ стараго зимняго дворца (который помѣщался на мѣстѣ нынѣшнихъ казармъ 1-го баталіона лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка) намѣренъ очной докторъ шевалье Тейлоръ начать свои публичныя лекціи, о чемъ охотникамъ до сего чрезъ сіе объявляется, билеты же раздаваемы быть имѣютъ въ его домѣ»³⁰⁾.

Такимъ образомъ, въ 1752 г., т. е. 162 года тому назадъ въ Петербургѣ состоялись первыя публичныя лекціи о глазныхъ болѣзняхъ. Лекціи эти были без-

¹⁾ Браковщикъ, т. е. лицо, назначенное для осмотра товара, въ данномъ случаѣ кожи, юфты, предназначеннаго къ отправленію на заграничные рынки, имѣлъ обязанность наблюдать, чтобы товаръ шелъ хорошаго качества.

платными и, должно быть, велись на французскомъ языкѣ. Отчета о лекціяхъ я не нашелъ въ доступныхъ мнѣ матеріалахъ, можетъ быть, о нихъ и имѣются свѣдѣнія въ специальной литературѣ.

Такъ какъ въ 1752 г. Императрица Елисавета Петровна со всѣмъ своимъ дворомъ жила въ Москвѣ, то и „шевалье Тейлоръ“ вскорѣ покинулъ Петербургъ, направившись въ Москву, гдѣ онъ также читалъ лекціи и, видимо, имѣлъ большую практику.

Въ послѣдующее время большимъ успѣхомъ пользовались окулисты братья Пелліе, пріѣхавшіе въ Петербургъ въ 1778 г. О нихъ мы находимъ слѣдующее извѣстіе ³¹⁾:

«Два брата Пелліе, сыновья королевскаго французскаго глазнаго врача въ городѣ Мецѣ, чрезъ сіе даютъ знать почтенной публикѣ о своемъ сюда пріѣздѣ, предлагая при семъ свою помощь тѣмъ, которые по несчастію либо вовсе свѣту не видятъ или другою главною болѣзною страждутъ. Они лѣчатъ слѣпоту извлеченіемъ зрачка у людей всякаго возраста, чрезъ что болѣзнь сія столь удачно пресѣкается, что никакъ человекъ опять не ослѣпнетъ, по чему и просить желающихъ пользоваться ихъ помощью, чтобъ безъ продолженія времени являлись къ нимъ. Сверхъ того, лѣчатъ они завалъ слезнаго канала въ короткое время, но никакъ не принимаютъ пользоваться въ болѣзни, которая или не излѣчима, или въ которой, по крайней мѣрѣ, облегченія ожидать не можно. Сіи глазные врачи пріѣхали сюда изъ Гамбурга, Копенгагена, Стокгольма, гдѣ многимъ людямъ доставили зрѣніе, въ чемъ имѣютъ свидѣтельство отъ тамошнихъ докторовъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями при ихъ операціяхъ, и оныя свидѣтельства также разсматриваны отъ здѣшней государственной Медицинской коллегіи. Тѣхъ, кои неимущество свое доказать могутъ, пользоваться они будутъ безденежно, и просить всѣхъ сельскихъ священниковъ и управителей, до коихъ сіе дойдетъ извѣстіе, сообщить о томъ въ своихъ приходяхъ и вѣдомствахъ. Сіи окулисты, кромѣ главной болѣзни, никакихъ иныхъ лѣчить не будутъ. Они живутъ въ большой Милліонной въ домѣ его сіятельства графа Остермана въ 3 этажѣ».

Въ извѣщеніи братьевъ Пелліе особенно интересно и характерно ихъ обращеніе къ священникамъ и управляющимъ имѣніями присылать больныхъ; можно быть вполне увѣреннымъ, что такое обращеніе не достигло желаемыхъ результатовъ.

Затѣмъ ³²⁾ въ теченіе всего XVIII столѣтія на Петербургскомъ горизонтѣ появились одинъ за другимъ „очные врачи“, экзаменованные и аттестованные Медицинской коллегіей глазные врачи, предлагавшіе свои услуги, и въ доказательство своего могущества приводившіе примѣры вродѣ нижеслѣдующаго ³³⁾:

«Недавно дѣлалъ онъ (врачъ Вейхардъ) въ присутствіи нѣкоторыхъ членовъ Медицинской коллегіи надъ 68-лѣтнею ста-

рухою, не имѣвшей три года зрѣнія, столь удачную операцію, что она опять получила прежнее свое зрѣніе».

Въ первой четверти XIX столѣтія въ Петербургѣ оказывалъ посильную помощь докторъ Лерхе, одинъ изъ основателей глазной лечебницы. Въ 1824 г. онъ помѣстилъ слѣдующее объявленіе ³⁴⁾:

«Докторъ Медицины надворный совѣтникъ Лерхе симъ извѣщаетъ, что въ ожиданіе того, какъ опять, можетъ быть, восстановлена будетъ больница для глазныхъ болѣзней, каковая существовала прежде сего отъ Медико-Филантропическаго Комитета, намѣренъ онъ продолжать пользоваться совѣтами страждущихъ сею болѣзнию недостаточныхъ людей безденежно въ квартирѣ своей въ домѣ аптекаря Имзена у Казанскаго моста каждодневно отъ 8 до 10 часовъ утра, исключая воскресные дни, по примѣру того, какъ сіе уже и дѣлано имъ было въ теченіе послѣдней половины минувшаго года. При семъ онъ ласкаетъ себя пріятною надеждою, что найдутся и впредь друзья человечества, которые пожелаютъ и со своей стороны оказать помощь симъ бѣднымъ страждущимъ глазными болѣзнями доставленіемъ имъ средствъ къ снабженію себя потребными лекарствами. Онъ вѣнчаетъ себя пріятнымъ долгомъ отъ лица таковыхъ страдальцевъ изъявить чрезъ сіе искреннюю благодарность г.г. аптекарямъ Имзену и Тиммеру за доставленіе весьма многимъ изъ сихъ страдальцевъ прописываемыхъ для нихъ лекарствъ безденежно по уваженію бѣдности ихъ».

Докторъ Лерхе былъ врачъ-филантропъ, и объ его дѣятельности я скажу подробнѣе, когда коснусь вопроса о положеніи больницъ стараго Петербурга.

Первое извѣстіе объ оптическомъ магазинѣ, о продажѣ очковъ я нашелъ за 1758 годъ. Позднею осенью этого года жители столицы могли узнать, что

«въ домѣ столяра Шмита на Мойкѣ возлѣ двора Его Сіятельства графа Александра Ивановича Шувалова дѣлаются очки для старыхъ и молодыхъ людей, подзорныя трубки, зажигательныя стекла, микроскопы, перспективы, камеръ-обскуры и рамки, а ежели у кого есть такіе поврежденные инструменты, то можно оныя для починки приносить въ показанный домъ» ³⁵⁾.

Затѣмъ въ 1778 г. появились два иностранца Вильгельмъ Бенге и Вольфъ Компанія, которые увѣдомляли, что

«дѣлаютъ они и продаютъ всякія до оптики надлежащія инструменты, а особливо вытачиваютъ они изъ гипсового камня очныя стекла отменной доброты, укрѣпляющія глаза при смотрѣніи въ отдаленность и придающія близорукимъ такую въ глазахъ силу, что они черезъ малое время смотрѣть могутъ въ нарочитое разстояніе помощью сихъ стеколъ и безъ оныхъ» ³⁶⁾.

Предлагая, такимъ образомъ, стекла изъ гипсового камня, предприимчивые иностранцы, прежде чѣмъ объявить цѣну предлагаемыхъ вещей, гордо заявляли: „Но дѣло, основывающееся на опытодѣйствіи, не требуетъ никакого объясненія“. Эта нѣсколько туманная

фраза обозначала, что иностранцы не рекламируют себя, каждый могъ придти, купить эти очки и убедиться въ ихъ полезности. Цѣна очковъ была слѣдующая:

«Пара сберегательныхъ стеколъ для укрѣпленія глазъ стоитъ 5 рублей, а чѣмъ глаза слабѣе, тѣмъ болѣе увеличивается цѣна оныхъ стеколъ. Они жительство имѣютъ въ Малой Милліонной въ домѣ Резувія въ третьемъ жильѣ къ Мойкѣ. Притомъ не продаютъ они стекла, не выдавъ напередъ глазъ, для которыхъ они требуются».

Послѣдняя фраза соотвѣтствуетъ обычному въ наши дни указанію, что очки отпускаются „по рецептамъ врачей“.

Изъ сравнительнаго большого числа свѣдѣній объ оптическихъ магазинахъ, число которыхъ въ началѣ XIX столѣтія замѣтно увеличилось, приведу еще одно, на мой взглядъ, довольно любопытное и характерное для разсматриваемой эпохи.

«Большая часть очковъ — заявлялъ въ 1822 году оптикъ Шедель³⁸⁾ — продаваемыхъ къ публикѣ, не только посредственны, но даже худы, ибо чувствительный ихъ недостатокъ происходитъ какъ отъ устройства носовой дуги, такъ и отъ качества матеріала. Желая оныя усовершенствовать, велѣлъ я приготовить и вышлифовать подлѣ моимъ присмотромъ разныя стекла для всякаго рода менѣе и болѣе особыхъ глазъ. Стекла сии можно получать на выборъ въ золотой, серебрянной, черепаховой и стальной оправѣ, за доброту коихъ я ручаюсь, въ чемъ и каждый самъ при первомъ взглядѣ удостовѣрится».

IV. Сыпные врачи.

Кромѣ окулистовъ, большимъ вниманіемъ пользовались такъ назыв. „сыпные“ врачи. Это и понятно — смерть Петра II отъ оспы, оспа, обезобразившая наследника престола до такой степени, что его невѣста, будущая Императрица Екатерина II, при встрѣчѣ со своимъ женихомъ послѣ его болѣзни, едва-едва не упала въ обморокъ — все это заставляло правительство серьезно подумать. И рожденіе наследника престола Павла Петровича вызвало цѣлый рядъ предупредительныхъ мѣръ, направленныхъ, главнымъ образомъ, къ охраненію наследника престола отъ оспы и, конечно, косвенно отражавшихся и на всѣхъ обывателяхъ Петербурга.

21 октября 1754 г. появился сенатскій указъ вслѣдствіе именного, объявленнаго дежурнымъ генералъ-адъютантомъ Бутурлинымъ, „о предосторожности отъ оспы, кори, лопухи“³⁹⁾, далѣе 3 апрѣля 1755 г. послѣдовала слѣдующая предохранительная мѣра: „объ опредѣленіи для призрѣнія и помоганія одержимыхъ оспою, корью и лопухою особаго доктора и двухъ ле-

карей“⁴⁰⁾ и, наконецъ, появился указъ, касающійся не докторовъ, не священниковъ, но имѣющій тѣсное соприкосновеніе съ разсматриваемымъ нами вопросомъ: были назначены особые четыре церкви со священниками для больныхъ оспой. Въ послѣднемъ указѣ прямо говорилось:

«Отряженнымъ попомъ службы отправлять токмо въ показанныхъ церквахъ. Въ соборы же и иныя церкви отнюдь не вступать. Аще же христіане восхотятъ своихъ заболѣвшихъ младенцевъ или великовозрастныхъ приобщить, то таковыхъ представляли бы для причащенія въ означенныя церкви или бы на домъ приглашали отряженныхъ священниковъ, которые бы и являлись бы безъ отрицанія и промедленія. Но если въ какомъ домѣ сыпныхъ болѣзней не будетъ, то членамъ сего дома въ показанныя четыре церкви не ходить, отряженныхъ священниковъ въ дома къ себѣ не принимать и ни по какимъ дѣламъ къ тѣмъ священникамъ не ходить».

Умершихъ отъ сыпныхъ болѣзней приказано было отпѣвать въ домахъ, не внося въ церковь, а послѣ отпѣванія, закрывъ накрѣпко гробъ, провожали до кладбища и тамъ, не внося въ церковь, хоронили при цѣнѣ обыкновенной литіи.

Не говоря уже о томъ, что церкви, предназначенныя для оспенныхъ больныхъ, помѣщались на самыхъ окраинахъ города и, слѣдовательно, обыватели центральныхъ частей города должны были при появленіи сыпной болѣзни въ домѣ бѣжать на окраину города, къ какому-то, совсѣмъ неизвѣстному имъ священнику, избирать его своимъ духовнымъ отцомъ, сами священники, предназначенные для оспенныхъ больныхъ, въ случаѣ появленія болѣзни въ чьемъ-либо домѣ, должны были какъ бы заключить себя въ карантинъ, прекратить свои отношенія къ приходу и посѣщать только больныхъ. Всѣ эти стѣснительныя мѣры, конечно, вызывали къ себѣ только отрицательное отношеніе: родственники и родители заболѣвшихъ старались скрывать болѣзнь, имъ въ этомъ помогали и священники, которымъ вовсе не было охоты отдавать себя подлѣ карантинъ, къ тому же на неопредѣленное время.

Но если избобрѣли такой карантинъ для обывателей и для священниковъ, то самихъ оспенныхъ врачей оставили въ покоѣ, разрѣшивъ имъ свободное проживаниеъ по всему городу. Первый оспенный врачъ, уже упомянутый выше, Аврамъ Энсъ жилъ на Мѣщанской улицѣ въ собственномъ домѣ, а два его помощника, лекаря, какъ слѣдовало по вышеприведенному указу, проживали одинъ на той же Мѣщанской улицѣ, а дру-

гой—на Литейномъ проспектъ. Эти адреса извлечены изъ перваго объявленія о сыпныхъ врачахъ:

«Чрезъ сіе объявляется, что одержимые люди оспою, корью и лопухою и другими подобными сыпми безъ всякой утайки, въ самой скорости, призывали С.-Петербургской дивизіи доктора Аврама Энса для пользованія, кой живетъ своимъ дворомъ на Адмиралтейской сторонѣ въ приходѣ церкви Вознесенія Господня въ Мѣшанской улицѣ или также двухъ лѣкарей Крепина и Броунера, изъ коихъ первый живетъ на той же на Адмиралтейской сторонѣ въ томъ же приходѣ въ домѣ надворнаго совѣтника Михайлы Великопольскаго, а второй на Литейной сторонѣ въ приходѣ церкви Сергія Чудотворца въ домѣ серебряника иноземца Кепинга»⁴²⁾.

Болѣе того, даже въ позднѣйшее время, въ 1783 г. „оспенный докторъ Эбелингъ“ жительство имѣлъ въ трактирѣ Лондонъ — лучшей гостиницѣ того времени, вродѣ нынѣшней Европейской гостиницы или „Асторіи“ — и безпрепятственно принималъ въ этой гостиницѣ оспенныхъ больныхъ. Очевидно, понятія о карантинѣ были въ то время очень своеобразными...

«12 октября 1768 г.⁴⁴⁾ въ 9 часовъ вечера по предварительному соглашенію и по волѣ Императрицы явился въ Вольфовскій оспенный домъ нарочный съ приказомъ привести больного, отъ котораго бы можно было взять матерію для привитія оспы. Оспопрививаніе совершилось безъ малѣйшихъ признаковъ смущенія со стороны Екатерины II. Наканунѣ привитія оспы, т. е. 11 октября по назначенію Димедаля, Екатерина II приняла ртутный порошокъ. Послѣ привитія оспы Государынѣ и наслѣднику Димедаль съ сыномъ привилъ оспу 140 особамъ»⁴⁵⁾.

Екатерина II писала Вольтеру, что въ столицѣ въ теченіе одного мѣсяца была привита оспа большому числу лицъ, чѣмъ въ Вѣнѣ въ продолженіе 8 мѣсяцевъ.

Конечно, и въ этихъ словахъ Екатерины II видно ея обычное желаніе показать, какъ далеко двинулась Россія въ ея царствованіе, но во всякомъ случаѣ съ акта привитія Екатериною II оспы борьба съ послѣдней у насъ приняла другой характеръ—не карантинный, а предупредительный.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь помѣщается лицей, въ послѣдніе года царствованія Императрицы Елисаветы баронъ Штейнъ устроилъ фабрику суконъ. Земельный участокъ, находившійся подъ этой фабрикой, былъ громадный: онъ начинался у Карповки, недалеко отъ Невки, захватывалъ мѣсто нынѣшнихъ казармъ л.-гв. Гренадерскаго полка и Женскаго Медицинскаго Института, имѣя границей участокъ Петропавловской больницы (въ то время подворье новгородскаго епископа), далѣе граница шла по Каменноостровскому проспекту, по Большой Монетной или даже по Ружейной улицѣ

и упиралась въ ту же Невку. Еще въ 1770 г. здѣсь сдавались „огородный участокъ на р. Карповкѣ“, „большіе сѣнокосные луга“, да предполагались „для житія въ лѣтнее время два деревянныхъ дома на берегу Невки“. Послѣ барона Штейна фабрикой владѣлъ баронъ Вульфъ (память о немъ сохраняется въ названіи Вульфовыхъ улицъ), отъ котораго этотъ участокъ приобрѣла Императрица Екатерина II для устройства особаго госпиталя для оспопрививанія.

Въ сентябрѣ 1768 г. появилось объявленіе слѣдующаго содержанія:

«По Высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію заведена на Санктпетербургскомъ острову въ бывшемъ Вульфовомъ домѣ гошпиталь для прививанія оспы, въ которой всякаго званія родителей дѣти лечаться и содержаться безплатно».

Съ этого времени ежегодно 2 раза—осенью и весною—жители Петербурга извѣщались, что „оспопрививаніе началось“ и что

«желающіе воспользоваться симъ всемілостивѣйшимъ учрежденіемъ могутъ являться ежедневно съ 8 до 10 часовъ пополудни, гдѣ безденежно какъ приняты, такъ и отпущены будутъ».

Съ образованіемъ Приказа общественнаго призрѣнія „оспенный“ домъ, перейдя въ его вѣдѣніе, продолжалъ функціонировать попрежнему вплоть до 31 іюля 1803 г., когда онъ былъ уничтоженъ, а мѣсто, занятое имъ, было отчасти отдано особому Сиротскому дому, учрежденному Императоромъ Александромъ I, а отчасти—подъ постройку казармъ л.-гвардіи Гренадерскаго полка.

Укажу, что долгое время оспеннымъ врачомъ былъ надворный совѣтникъ докторъ Голлидей, владѣлецъ острова на Невѣ, извѣстнаго подъ названіемъ „островъ Голодай — исковерканное прозвище бывшаго владѣльца»⁴⁶⁾.

V. Грыжные врачи и бандажные мастера.

Какъ на специфическія особенности XVIII вѣка, надо указать на существованіе въ это время особыхъ врачей, имѣвшихъ узкую специальность и носившихъ даже особое названіе: „грыжныхъ врачей“. Изъ числа этихъ врачей въ Петроградѣ были особенно извѣстны двое: Х. Е. Г. Кнакштебъ и Пилміотъ.

Объявленіе перваго изъ нихъ заслуживаетъ вниманія своей необыкновенной формой. Врачи публиковали всегда отъ своего имени и только ссылались на то или

иное учреждение; для Кнакштеба было сдѣлано исключение, публикацію о немъ помѣстило учреждение ⁴⁷⁾:

«Государственная Медико-Хирургическая школа чрезъ сіе объявляетъ, что опредѣленный при оной по Всевысочайшему повелѣнію профессоръ анатоміи и хирургіи Х. Е. Г. Кнакштебъ не только въ излеченіи болѣзней во рту и его частяхъ, какъ-то чищеніи зубовъ, вырываніи оныхъ посредствомъ нѣкотораго инструмента, имъ самимъ поправленнаго, и вставленіи оныхъ; но и въ излеченіи всякаго рода грыжи, чрезъ особенныя связи или нужной операціи, также въ излеченіи всякихъ недуговъ, принадлежащихъ къ Медико-Хирургическимъ наукамъ весьма искусенъ. Жительство онъ имѣетъ неподалеку отъ Синяго моста, въ угольномъ домѣ на Офицерской улицѣ № 431».

Грыжный врачъ Пилмотъ объявляетъ „почтенной публикѣ“ въ 1799 году, что ⁴⁸⁾

«у него дѣлаютъ по разнымъ цѣнамъ всякаго рода удобныя механическія и эластическія грыжныя подвязки, въ томъ числѣ есть одни новоизобрѣтенныя, также и прistinъ разныхъ недуговъ служащія орудія. Если кому не угодно будетъ лично о семъ съ г. Пилмотомъ объясниться, тотъ благоволитъ доставить ему вѣрную мѣрку толщины своего тѣла, и при томъ объявить, на правой или на лѣвой сторонѣ боль находится. Жительствоуетъ онъ въ Малой Милліонной въ домѣ подъ № 69».

Излюбленнымъ лекарственнымъ средствомъ въ XVIII вѣкѣ было — „пускать кровь“. Я уже указалъ на специалитку этого рода Анну Тимофеевну, но были и цѣлыя учрежденія съ этою цѣлью. Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ одномъ изъ нихъ ⁴⁹⁾:

«На Московской части въ свѣчной слободѣ вѣдомства Медицинской канцеляріи подлѣкаръ Францъ Грудинскій по данной отъ оной ему канцеляріи привилегіи содержитъ бани на своемъ кошту для своего пропитанія и въ пользу народную кровопусканіе разными бадерскими инструментами и черезъ пиявицъ, также къ паренію отъ разныхъ артритическихъ болѣзней о чемъ чрезъ сіе объявляется».

Какой сѣдой стариной повѣтъ отъ этого извѣстія! Какъ колоритно, характерно для отдаленнаго отъ насъ 150-лѣтіемъ времени это указаніе „и на собственное пропитаніе“ и „на пользу народную“, и въ то же время подлѣкаръ Грудинскій не забываетъ и своего „пыхетнаго“ происхожденія (судя по имени Францъ — онъ полякъ) и своего „научнаго“ образованія — онъ не цирюльникъ, а подлѣкаръ, и потому кромѣ пиявицъ упоминаетъ и объ „артритическихъ болѣзняхъ“.

Къ слову сказать — о пиявицахъ. Вотъ два извѣстія о нихъ, относящихся уже къ XIX вѣку.

«З-ей Адмиралтейской части 4 квартала въ домѣ купца Котомина у фельдшера и парикмахерскихъ дѣлъ мастера Кривошеина продаются пиявки по 1 рублю каждая безъ его ставленія. Онъ также принимаетъ учениковъ для обученія фельдшерскому и парикмахерскому мастерству, знающихъ читать и писать по-

русски, имѣющихъ отъ роду не менѣе 10 лѣтъ, хорошаго поведенія» ⁵⁰⁾.

Какъ видимъ, въ 1821 г. пиявка цѣнилась дорого, по 1 рублю штука, безъ ставленія, т. е. приставить пиявку долженъ былъ или докторъ, или фельдшеръ, и за это получить особо, по таксѣ. Въ 1830 г. цѣна на пиявки упала ⁵¹⁾:

«Вблизи Измайловскаго моста въ домѣ графа Зубова продаются вновь полученныя пиявицы у садоваго мастера г. Мейселя по 40 копѣекъ штука».

VI. Терапевты.

«Врачебная наука есть самая древнѣйшая между всѣми человеческими познаніями»

такъ поучались жители столицы въ 1787 г. ⁵²⁾, далѣе они могли узнать, что

«она, т. е. врачебная наука раздѣляется на многія части, кои всѣ вѣдать нужно желающимъ врачевать болѣзни, человеческому роду приключающіяся. Многіе же изъ нихъ старались описать одну или токмо нѣкоторыя оной части. У каждаго просвѣщеннаго народа всѣ части врачебной науки уже имѣются, изданы въ свѣтъ на природномъ языкѣ».

Послѣ такого замѣчанія относительно „просвѣщенныхъ народовъ“, нужно ждать какого-нибудь подъема, пафоса, столь свойственнаго отдаленной отъ насъ эпохи. И, дѣйствительно:

«Златому нынѣшнему вѣку представлено, какъ исполненіе прочихъ полезныхъ установленій, такъ и усовершенствованіе врачебной наукѣ на природномъ Россійскомъ языкѣ, нѣкоторыя части оной уже изданы, а нѣкоторыя вскорѣ издадутся въ свѣтъ. Изъ числа таковыхъ есть преползшая книга въ веденіи Государственной Медицинской коллегіи въ Императорской типографіи прекрасными буквами впервые нынѣ напечатанная подъ наименованіемъ: «Основанія врачебной науки». Она раздѣляется на три главныя части, изъ коей въ первой объясняется о здравіи и болѣзняхъ вообще, во второй толкуется о лихорадочныхъ болѣзняхъ и трясавицахъ, въ третьей описываются многія болѣзни, состоящія въ цѣломъ тѣлѣ и въ частяхъ онаго касательно до разнаго пола и возраста людей. Всѣ оныя части довольно снабжены полезными врачебными правилами, примѣчаніями, совѣтами и наставленіями въ познаніи и врачеваніи болѣзней, способствующими съ показаніемъ надежныхъ средствъ, кои служатъ къ отвращенію и облегченію недуговъ, человечество обременяющихъ. Таковою книгою въ семъ дѣлѣ руководствоваться могутъ особливо тѣ, кои по незнанію латинскаго и другихъ иностранныхъ языковъ иноязычными сего рода сочиненіями не въ состояніи воспользоваться находятъ. Цѣна сей книги безъ переплету 1 р. 35 к., въ переплетѣ 1 р. 70 к.».

Однако, знакомиться при помощи книги въ 3 частяхъ „съ трясавицами“ и вообще съ „недугами, человечество обременяющими“ — все-таки было тягостно; нужно было читать, читать и читать. И для облегченія такимъ

людямъ, которые все-таки хотѣли узнать про свои болѣзни, но не желали тратить на это драгоценное время ⁵³)—

«На сихъ дняхъ отпечатанъ чертежъ, представляющій въ видѣ рѣкъ и озеръ всѣ внутреннія болѣзни. На ономъ чертежѣ удобно повторять можно въ мысляхъ порядокъ всѣхъ внутреннихъ болѣзней, ясно усматривать неравную важность первоначальствующихъ болѣзней, съ разительнымъ изображеніемъ того, какъ они начинаются изъ пучины жизненныхъ погрѣшностей нашихъ, какъ естественно текутъ и какъ теченіемъ времени, обезсиливая жизненность, перерождаются въ тяжелейшія и, наконецъ, неизлѣчимыя болѣзни. Издатель сего чертежа статскій совѣтникъ Малаховъ, былъ генералъ-штабъ-докторомъ арміи, дѣйствіемъ вѣрренныхъ ему армейскихъ врачей, съ особеннымъ вниманіемъ прилагалъ стараніе не на одно врачеваніе больныхъ, поступившихъ въ лазаретъ и госпитали, но и на изысканіе способовъ, могущихъ сберечь здоровыхъ отъ болѣзней, а наиболѣе чтобъ заболѣвающихъ не допускать до переходовъ въ тяжкія и неизлѣчимыя болѣзни. Приобрѣтенныхъ такимъ образомъ наблюденій и замѣчаній, не желая оставить укрывыми изображаетъ главный планъ онымъ въ семъ чертежѣ, съ тою единственною цѣлью, дабы обратить вниманіе какъ врачей, такъ и всѣхъ къ особенной заботливости о сихъ великой важности въ первоначальныхъ болѣзняхъ, легчайшее излѣчиваніе которыхъ безъ потери самыхъ первыхъ дней, несомнѣнно, умножить народное благоденствіе уменьшеніемъ болѣзненности и увеличить народонаселеніе убавленіемъ смертности. Цѣна разкрашенному съ описаніемъ 6 рублей, некрашенному 3 р. 50 к.»

И этотъ чертежъ „во образѣ рѣкъ и озеръ“ предлагался вниманію интеллигентнаго читателя, рекомендовался врачамъ и авторъ его—не составитель листовки для Хитрова рынка, а статскій совѣтникъ, самъ врачъ и не ординарный, а генералъ-штабъ-докторъ. Эти два примѣра, какъ намъ кажется, ярко характеризуютъ взглядъ большинства, массы, на врача, на сущность болѣзней. Врачамъ необходимо было считаться съ высказанными мнѣніями.

Отсюда понятно и вполне объяснимо будетъ и слѣдующее изложеніе своего *profession de foi*, своего пониманія и знанія болѣзней одного врача, коллежскаго ассессора Ивана Игнаціуса. Этотъ врачъ практиковалъ болѣе 50 лѣтъ во флотѣ и въ разныхъ сѣверныхъ городахъ Россіи. Наблюденія его надъ болѣзнями привели его къ слѣдующимъ взглядамъ, которые онъ опубликовалъ ⁵⁴):

«Главные признаки болѣзней суть таковы: лихорадочные ежедневно приходятъ черезъ 24 часа по утрамъ въ 6 часу и познаются: легкимъ ознобомъ, трехдневные черезъ 48 часовъ около десятого часа по вѣвоту, съ сильнымъ ознобомъ, четырехдневные черезъ 72 часа послѣ полудни въ 3 часу тожъ съ сильнымъ ознобомъ, жаромъ и жестокою головою болью. Послѣ пароксизма больные чувствуютъ себя какъ будто здоровыми.

Есть еще лихорадки, кои черезъ 5, 6, 7, 8, 9 и далѣе дней мучаютъ людей».

«Воляной: опухоль живота, на ляшкахъ и на ногахъ очевидно, такъ, какъ и по всему тѣлу распространяющаяся, когда подавить пальцами, то остаются ямки на нѣсколько времени, въ сердцѣ, въ груди и брюхѣ накопившаяся вода, какъ въ мѣшкахъ причиняетъ удущье и тоскливость, такъ что больные, сидя, насплу духъ переводить могутъ; въ сихъ уже случаяхъ къ господамъ операторамъ прибѣгать должно».

«Каменной болѣзни: мочеиспусканіе бываетъ малое, иногда съ каплями и тусованно, съ несносною болью сопряженное, осадка садится иловатая и подобная песку, во всѣхъ внутреннихъ частяхъ человеческого тѣла могутъ быть камни, но главные гнѣзда сей болѣзни находятся въ печенкѣ, почкахъ и мочевомъ пузырьѣ, въ семъ послѣднемъ вырѣзываемы бывали операторами камни большей величины».

«Параличъ—отнимается вольное дѣйствіе какого-нибудь члена, зачастую и самый языкъ, половина или все тѣло и движеніе, такъ что самое сильное треніе и ежкою и острыми спирты въ чувство привести не въ силахъ».

«Подъ именемъ настоящей чзхотки разумѣтъ онъ, когда въ легкомъ, печенкѣ, селезенкѣ, почкахъ, около пупа, кишкахъ и маткѣ были нарывы и открывались и оставшаяся матерія получала выходъ благополучнымъ путемъ, то сіи раны должно бальзамическими средствами заживить; а сухой кашель и сухотка происходятъ отъ заваловъ и другихъ внутреннихъ болѣзней; ломота чувствіемъ грызенія въ костяхъ какой-нибудь части тѣла, происходящая отъ простуды, а по большей части отъ невоздержанной жизни и испорченныхъ сосовъ и крови».

«Подъагра—самый сильный степень сей болѣзни являетъ себя несносною болью, опухолью и рденіемъ большихъ пальцевъ у ногъ».

«Признаки истерики у женскаго полу и ипохондріи мужскаго полу суть чувствіе скуки и грусти, безъ причины склончивость къ уединенію, давленіе въ горлѣ такъ, какъ будто въ ономъ находится кусокъ, сильные обмороки, судорожные припадки и сходилость всего тѣла, суть проводники сихъ болѣзней».

«Золотуха, грудницы очевидны, ракъ, открытой же, сіе послѣднее любятъ вселяться во всѣхъ железистыхъ мѣстахъ, даже въ носу, въ горлѣ, и на языкѣ, особенно на женскихъ грудяхъ».

«Признаки закрытаго рака суть: когда затвердѣлыя шишки съ жгательною и острою болью продолжаютъ, ножомъ открываются, и изъ нихъ течетъ острый и весьма вонючій гной, окружающая опухоль сихъ ранъ распространяется синими багряными жилками, на подобіе какъ кругъ рака ноги».

Но большинство врачей не прибѣгало къ такимъ подробностямъ, а объявляло о себѣ болѣе или менѣе лаконично. Напр.:

«Докторъ медицины Фед. Давид. Гассаръ, пріѣхавшій изъ Нижняго-Новгорода извѣщаетъ симъ почтенную публику, что онъ лечитъ страждущихъ тяжелыми хроническими болѣзнями, какъ-то ревматизмомъ, гемороємъ, ракомъ, чахоткою, цынготною, водяною, любострастною и прочими» ⁵⁵).

или:

«Страждущимъ закошенными и другими разнаго рода болѣзнями, а наипаче немущимъ больнымъ предлагаетъ въ пользованіи оныхъ услуги свои Медикъ, коллежскій ассесоръ Флейшеръ» ⁵⁶).

VII. Отношеніе врачей къ обществу.

Сдавъ экзаменъ при Медицинской Канцеляріи, врачъ могъ начинать практику; о каждомъ таковомъ врачѣ Медицинская Канцелярія въ одной и той же формѣ извѣщала російскихъ обывателей черезъ „припечатываніе въ Вѣдомостяхъ“.

Петербургскіе врачи не довольствовались этимъ объявленіемъ и извѣщали отъ себя лично жителей столицы о своей квартирѣ обыкновенно въ слѣдующей формѣ:

«Петеръ Гейнрихъ фонъ Меллингъ, докторъ медицины, бывшій доселѣ въ здѣшнемъ Медико-хирургическомъ училищѣ профессоромъ и живущій нынѣ въ Подъяческой улицѣ близъ Харламову мосту въ новомъ домѣ купца Шумилова, симъ представляетъ почтенной публики свои услуги; бѣднымъ людямъ безденежно»⁵⁷⁾.

Послѣдняя фраза была обязательна въ каждомъ объявленіи—такъ какъ по Медицинскому уставу 1789 г.

«врачи казенныхъ мѣстъ, пользуясь жалованіемъ, половины всѣхъ оныхъ подлежащихъ лѣчить безденежно, а всѣхъ подлинно немимущихъ пользоваться безденежнымъ пособіемъ по ихъ чело-вѣколюбію».

Такимъ образомъ, хотя „безденежная помощь“ и не была обязательной, но о ней говорилось въ уставѣ съ упоминаніемъ о чело-вѣколюбіи,—врачи и употребляли указаніе на безденежную помощь, такъ какъ, собственно говоря, это указаніе ни къ чему не обязывало. Помѣстивъ объявленіе, большинство врачей аккурратно извѣщали о перемѣнѣ своей квартиры. Этими двумя объявленіями и ограничивалась внѣшняя форма.

Въ XIX столѣтіи появилось со стороны пациентовъ публичное выраженіе благодарности, приведу одинъ изъ такихъ примѣровъ⁵⁸⁾:

«Надворная совѣтница Козлова, не имѣя другого средства изъяснить свою благодарность г. Лѣкарю Антону Филиповичу Сидоренко-Короты, служащему при Полиціи, какъ извѣстить почтенную публику, что онъ безъ всякой платы, но изъ единаго чело-вѣколюбія при неуспѣшномъ своемъ стараніи, вылечилъ совершенно дочь мою, 16 лѣтъ, которая, по потерѣ отца своего, видя въ бѣдномъ состояніи все семейство, лишилась ума. Многіе изъ почтенныхъ особъ были свидѣтелями сего несчастнаго положенія, когда взята была она изъ Обуховской больницы. Почему и свидѣтельству предъ лицомъ публики г. Лѣкаря Сидоренко-Короты чувствительную свою благодарность».

Одно время эти благодарности стали появляться въ такомъ громадномъ числѣ, что на нихъ, кажется, обратило вниманіе начальство и „Академическія Вѣдомости“ перестали ихъ печатать.

Но какъ относилось къ врачу общество, былъ-ли онъ принятъ, какъ членъ этого общества, или былъ

только терпимъ, какъ печальная необходимость, и къ нему только обращались за помощью въ трудную минуту жизни и забывали объ его существованіи въ хорошія минуты жизни?

Къ сожалѣнію, отвѣтъ на этотъ вопросъ очень затруднителенъ. Могу привести только одно указаніе—выписку изъ медико-топографическаго описанія Петрограда Аттенгофера:

«Каждое почти семейство, притязаящее на право свѣтскаго тона, имѣетъ своего домашняго медика, производя ему опредѣленную въ годъ плату. Нѣкоторые изъ большихъ домовъ содержатъ у себя до двухъ лекарей, перваго для господъ, втораго для слугъ; или же одного всегдашняго ординатора, а другаго для совѣщанія. Домашній медикъ обязанъ однажды или нѣсколько разъ въ недѣлю посѣщать своихъ знакомыхъ, хотя бы у нихъ и всѣ были здоровы; они желаютъ не только излѣчаться отъ своихъ болѣзней, но даже предупреждать ихъ; а потому медикъ приглашается на совѣтъ и въ воспитаніи и въ образѣ и въ порядкѣ жизни, и въ нѣкоторыхъ другихъ обстоятельстве-ствахъ. Онъ долженъ, правда, бороться притомъ со многими противниками; но по большей части ему удается, коль скоро только его испытали и полюбили, своими увѣщаніями и доказательствами одерживать совершенную побѣду. За столомъ и въ бесѣдахъ, куда его весьма охотно приглашаютъ, медикъ рѣдко находитъ отдыхъ и разсѣянность; ибо при немъ вдругъ открывается любопытство знать, здорово-ли то блюдо? Не вреденъ-ли сей напитокъ? Какія болѣзни свирѣпствуютъ въ городѣ? Какія лучшія предохранительныя средства для здоровья? Или возгорается между гостями ученый споръ о скорости пищева-ренія; дѣло представляютъ на разрѣшеніе присутствующаго медика, и тогда взоры всѣхъ обращаются на него, или случится ему, на бѣду, сидѣть за столомъ близъ какой-нибудь дамы, страдающей истерикою, въ то время прощай добрый его аппетитъ»...

Эти строки появились въ печати въ 1820 году.

II. Столѣтскій.

Литература. 1) С.-Петерб. Вѣдом. 1753 г., стр. 807.—2) Указанія на этого доктора мы не встрѣчаемъ въ «Алфавитномъ спискѣ докторовъ медицины, практиковавшихъ въ Россіи въ XVIII в.» составленномъ Чистовичемъ.—3) С.-Петерб. Вѣд., 1760 г., № 1.—4) Тамъ-же 1740 г., стр. 222.—5) Тамъ-же 1758 г., № 5.—6) Я. Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ. СХСІ стр.—7) С.-Петерб. Вѣд. 1729 г., стр. 92.—8) Тамъ-же, 1752 г., стр. 622.—9) Тамъ-же 1754 г., стр. 688.—10) И хирурга Верре мы не отыскали въ спискѣ Чистовича.—11) I. Аттенгоферъ, Медико-топографическое описаніе С.-Петербурга, стр. 366.—12) Полное Собраніе Законовъ. № 12179.—13) Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. ССХХVІ стр.—14) Тамъ-же СХХХVІІ.—15) Тамъ-же СLXІІІ.—16) Чистовичъ, Медицинскія учрежденія, стр. 129.—17) Полное Собраніе Законовъ, № 10183.—18) Тамъ-же, № 10586.—19) С.-Петерб. Вѣд. 1760 г., № 15.—20) Тамъ-же 1755 г., № 4.—21) Календарь или мѣсяцесловъ 1722 г.—22) Аттенгоферъ, Медико-топографическое описаніе

Петербурга, стр. 360 и 362. — ²³⁾ Тамъ-же, стр. 366. —
²⁴⁾ С.-Петерб. Вѣд. 1751 г., стр. 578. — ²⁵⁾ Тамъ-же, стр. 741. —
²⁶⁾ Тамъ-же 1752 г., стр. 768. — ²⁷⁾ Тамъ-же 1752 г., стр. 5. —
²⁸⁾ Тамъ-же 1752 г., стр. 709. — ²⁹⁾ Тамъ-же 1752 г., стр. 726. —
³⁰⁾ Тамъ-же 1752 г., стр. 758. — ³¹⁾ Тамъ-же 1778 г., № 82. —
³²⁾ Намъ удалось отмѣтить слѣдующихъ врачей: Иоганъ Бернаръ
Массеръ (С.-Петерб. Вѣд. 1762 г., №№ 17 и 23), очный лекарь
Серкле (тамъ-же 1787 г., стр. 765), глазной врачъ Вейхардъ
(тамъ-же 1788 г., стр. 1259). — ³³⁾ С.-Петерб. Вѣд. 1788 г.,
стр. 1259. — ³⁴⁾ Тамъ-же 1824 г., стр. 55. — ³⁵⁾ Тамъ-же 1758 г.,
№ 89. — ³⁶⁾ Тамъ-же 1778 г., № 98. — ³⁷⁾ См., напр., С.-Петерб.
Вѣд. 1799 г., стр. 2196; 1821 г., стр. 1258; 1822 г., стр. 270,
1311; 1823 г., стр. 1107. — ³⁸⁾ Тамъ-же 1822 г., стр. 270. —
³⁹⁾ Полное Собрание Законовъ, № 10317. — ⁴⁰⁾ Тамъ-же, № 10387. —
⁴¹⁾ Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епар-
хіи Вып. 6-й, стр. 69—71. — ⁴²⁾ С.-Петерб. Вѣд. 1755 г., № 55. —
⁴³⁾ Тамъ-же 1783 г., № 65. — ⁴⁴⁾ *Куріановъ*, Историческій
очеркъ состоянія медицины въ царствованіе Императрицы Ека-
терины II, стр. 6. — ⁴⁵⁾ Тамъ-же, стр. 7. — ⁴⁶⁾ См. Нов. Вр.
1912 г., мою замѣтку: къ юбилею Александровскаго лица. —
⁴⁷⁾ С. Петерб. Вѣд. 1787 г., № 7. — ⁴⁸⁾ Тамъ-же 1799 г., стр. 115. —
⁴⁹⁾ Тамъ-же 1753 г., стр. 383. — ⁵⁰⁾ Тамъ-же 1821 г., стр. 154. —
⁵¹⁾ Тамъ-же 1830 г., № 105. Такъ какъ тема нашей работы
«врачи г. С.-Петербурга», то мы почти не касаемся низшаго
персонала, между тѣмъ «цирульники» стараго Петербурга явля-
ются очень любопытнымъ матеріаломъ. — ⁵²⁾ С.-Петерб. Вѣд.
1787 г., № 7. — ⁵³⁾ Тамъ-же 1821 г., отъ 11 февраля. — ⁵⁴⁾ Тамъ-же
1823 г., стр. 364 — 365. — ⁵⁵⁾ Тамъ-же 1823 г., стр. 237. —
⁵⁶⁾ Тамъ-же 1799 г., стр. 418. — ⁵⁷⁾ С.-Петерб. Вѣд. 1787 г.,
стр. 1031. — ⁵⁸⁾ Тамъ-же 1821 г., стр. 283. — ⁵⁹⁾ *Аттенюферъ*,
Медико-топографическое описаніе С.-Петербурга, стр. 363.